

Н.П. Остроумов

**Мусульманские мактабы и
русско-туземные школы в
Туркестанском крае**

**Москва
«Книга по Требованию»**

УДК 304
ББК 60.5
Н11

Н11 **Н.П. Остроумов**
Мусульманские мактабы и русско-туземные школы в Туркестанском крае / Н.
П. Остроумов – М.: Книга по Требованию, 2015. – 56 с.

ISBN 978-5-458-00236-3

ISBN 978-5-458-00236-3

© Издание на русском языке, оформление
«YOYO Media», 2015

© Издание на русском языке, оцифровка,
«Книга по Требованию», 2015

Эта книга является репринтом оригинала, который мы создали специально для Вас, используя запатентованные технологии производства репринтных книг и печати по требованию.

Сначала мы отсканировали каждую страницу оригинала этой редкой книги на профессиональном оборудовании. Затем с помощью специально разработанных программ мы произвели очистку изображения от пятен, клякс, перегибов и попытались отбелить и выровнять каждую страницу книги. К сожалению, некоторые страницы нельзя вернуть в изначальное состояние, и если их было трудно читать в оригинале, то даже при цифровой реставрации их невозможно улучшить.

Разумеется, автоматизированная программная обработка репринтных книг – не самое лучшее решение для восстановления текста в его первоизданном виде, однако, наша цель – вернуть читателю точную копию книги, которой может быть несколько веков.

Поэтому мы предупреждаем о возможных погрешностях восстановленного репринтного издания. В издании могут отсутствовать одна или несколько страниц текста, могут встретиться невыводимые пятна и кляксы, надписи на полях или подчеркивания в тексте, нечитаемые фрагменты текста или загибы страниц. Покупать или не покупать подобные издания – решать Вам, мы же делаем все возможное, чтобы редкие и ценные книги, еще недавно утраченные и несправедливо забытые, вновь стали доступными для всех читателей.

Серия Книжный Ренессанс

www.samizday.ru/reprint

тарской печати Россіи и въ частныхъ собраніяхъ татаръ, а въ настоящемъ году въ формѣ петицій былъ заявленъ ими министерству народнаго просвѣщенія и предсѣдателю совѣта министровъ, и притомъ не какъ частный вопросъ прогрессивной татарской партіи, а какъ обще-мусульманскій школьный вопросъ. Поэтому въ маѣ мѣсяцѣ прошлаго года особая коммисія изъ лицъ, непосредственно знакомыхъ съ инородческою школою въ Россіи, при участіи нѣкоторыхъ профессоровъ восточнаго факультета и чиновъ министерства народнаго просвѣщенія, обсуждала, подъ предсѣдательствомъ члена совѣта министра А. С. Будиловича, систему начальнаго образованія для инородцевъ Россіи. Согласно Высочайшему указанію, коммисія должна была подробно обсудить основные принципы образованія инородцевъ, установленныя покойнымъ казанскимъ педагогомъ Н. П. Ильминскимъ, и выработать нормальный типъ начальныхъ и послѣдующихъ школъ для инородцевъ восточной и южной Россіи, Кавказа, Туркестана и Сибири. Живо заинтересованные совѣщаніями названной коммисіи образованные татары высказывали въ разныхъ газетахъ свои опасенія относительно характера и конечныхъ результатовъ этихъ совѣщаній и тѣмъ еще болѣе подтвердили нашу мысль, что вопросъ объ инородческомъ образованіи въ Россіи имѣетъ въ настоящее время жизненное значеніе. При своей подозрительности татарскіе публицисты не старались вникнуть въ суть дѣла и, подъ влияніемъ манифеста 17 октября, позволяли себѣ неумѣстную развязность въ печатномъ словѣ, не выясняя сущности столь важнаго вопроса (татар. газеты: Терджиманъ, Каспій и Гэятъ). Предлагаемый просвѣщенному вниманію читателей краткій очеркъ имѣетъ цѣлью познакомить съ исторіей возникновенія начальной мусульманской школы и ея современнымъ положеніемъ, при чемъ будетъ дана характеристика школы Ильминскаго и дѣйствующихъ съ успѣхомъ въ Туркестанскомъ краѣ русско-туземныхъ школъ ¹⁾.

У мусульманъ съ давнихъ поръ извѣстны два рода школъ—*мактабъ*, какъ школа грамоты, и *мадраса*, какъ школа науки. Обѣ эти школы чисто конфессіональныя; общеобразовательной и реально-профессіональной школы у мусульманъ, за исключеніемъ періода рас-

¹⁾ При составленіи очерка, мы имѣли въ виду статьи о мусульманскихъ школахъ: А. Анастасіева, Д. А. А—ва и Вл. П. Наливкина (Отч. Турк. учит. сем. за 1888 и 1889 учебн. годъ) и стр. 39—41 Сборника матеріаловъ по мусульманству. Томъ первый (С.-Петербургъ, 1899 г.).

цвѣта мусульманской образованности, не было и въ настоящее время у русскихъ мусульманъ нѣтъ.

Такой односторонній характеръ мусульманской школы объясняется исторіей ея возникновенія и духомъ семитовъ. У мусульманъ, какъ сначала у евреевъ, а потомъ у христіанъ, начальная школа служила не общеобразовательнымъ (гуманитарнымъ) потребностямъ народа, а исключительно *религиознымъ* цѣлямъ. И въ этомъ случаѣ типично выразились основныя особенности духа семитовъ, въ отличіе отъ духа арійцевъ: у семитовъ всегда преобладало религиозное чувство, а у арійцевъ свободный умъ и фантазія; семитъ всегда былъ склоненъ болѣе къ богопознанію, а аріецъ—къ міровѣдѣнію. У грековъ обучали семи „*свободнымъ наукамъ*“, подъ которыми разумѣлись грамматика, риторика, діалектика, арифметика, геометрія, астрономія и музыка. Въ александрійскій періодъ возникли школы грамматиковъ и риторовъ; но эти школы не преслѣдовали практическихъ цѣлей, а предоставленныя частному почиву, въ своемъ усугбѣхъ всецѣло зависѣли отъ способностей своихъ руководителей. Какъ общеобразовательное учрежденіе, древне-греческая школа была вполне народною и свободною и предназначалась для лицъ, свободныхъ отъ физической работы, какъ отдыхъ и развлеченіе. На такой характеръ древне-греческой школы указываетъ самое названіе ея „*школа*“, что означаетъ: досугъ, свободное время, отдыхъ, занятіе чѣмъ-нибудь во время досуга и потомъ уже: учебная бесѣда, чтеніе.

У мусульманъ, наоборотъ, съ самаго возникновенія ихъ школы опредѣлилась ея узко-практическая цѣль, въ соотвѣтствіи съ которой начальной мусульманской школѣ было дано названіе „*мактабъ*“, т. е. мѣсто, гдѣ обучаютъ прежде всего чтенію *китаба*¹⁾ (списка корана), а потомъ уже желающихъ письму. Такимъ образомъ, какъ древне-еврейская и древне-христіанская школы, начальная мусульманская школа отличалась исключительнымъ направленіемъ, такъ какъ имѣла прямою своєю задачею научить читать священную книгу (*китабъ*), которая была *писана*, а не печатана (въ букввальномъ смыслѣ—*писаніе*). Впослѣдствіи, уже при халифахъ-оммаядахъ, возникла у арабовъ *высшая* школа—*мадраса*, какъ мѣсто лекцій (*дарсъ*) ученыхъ знатоковъ ислама, трактовавшихъ предъ своими слушателями научныя

¹⁾ Ср. невѣрное объясненіе этого слова у г. Анастасіева въ „Рус. Школѣ“ 1893 г., № 12, стр. 130. На стр. 132 онъ повторяетъ грубую опечатку т. XI Св. Зак., гдѣ напечатано *мюдаррисъ* вмѣсто *мюдаррисъ*.

вопросы мусульманскаго богословія и мусульманскаго права. Словомъ *мактабъ* и *мадраса* съ самаго появленія своего были школами вѣроисповѣдными, какъ у древнихъ евреевъ и у древнихъ христіанъ, и въ этомъ направленіи развивалось потомъ новое арабско-мусульманское просвѣщеніе, въ отличіе отъ „времени невѣднія“, подъ которымъ разумѣется языческій періодъ жизни арабовъ, именно какъ времена невѣднія истиннаго богопознанія, открытаго арабамъ Мухаммедомъ въ коранѣ ¹⁾. О наукахъ и научномъ знаніи въ этомъ случаѣ не могло быть и мысли, такъ какъ въ коранѣ сообщались исключительно религіозныя, а не научныя истины; самое письмо вошло въ употребленіе въ Аравіи не задолго до Мухаммеда, который, по вѣрованію мусульманъ, былъ пророкъ *неграмотный* ²⁾; въ числѣ его первыхъ послѣдователей было всего нѣсколько человѣкъ, умѣвшихъ писать (Зяйдъ-ибнъ-Тсабитъ, Ибнъ-Масудъ, Ибнъ-Обай, Зобейръ и др.).

По словамъ К. Шмидта, сознаніе столь малой распространенности грамотности среди современныхъ Мухаммеду арабовъ, которымъ была дана св. книга въ законъ, естественно побуждало первыхъ мусульманъ открывать мактабы, въ которыхъ желающихъ обучали чтенію и письму ³⁾; но мы не имѣемъ подробныхъ и точныхъ свѣдѣній о первыхъ учителяхъ и школахъ въ Аравіи и довольствуемся отрывочными данными относительно этого вопроса. При содѣйствіи мѣстныхъ представителей мусульманской учености, намъ удалось узнать два слѣдующіе факта:

а) Послѣ битвы первыхъ мединскихъ послѣдователей Мухаммеда съ жителями Мекки въ 623 году при Бадрѣ, окончившейся пораженіемъ мекканцевъ, многіе изъ нихъ попали въ плѣнъ, и тѣ изъ нихъ, которые могли дать денежный выкупъ за себя, получили свободу, а тѣ, у которыхъ не было средствъ для выкупа, были вынуждены остаться въ Мединѣ. Среди этихъ плѣнниковъ оказались грамотные люди, которымъ и было предложено Мухаммедомъ заняться обученіемъ дѣтей мединцевъ-мусульманъ арабской грамотѣ. Научившіе чтенію и письму 10 мединскихъ мальчиковъ получали свободу и возвращались на родину ⁴⁾.

¹⁾ Коранъ, гл. 3, ст. 148, гл. 4, ст. 21. Ср. Посл. къ Евр. Ап. Павла гл. 9, ст. 7.

²⁾ Коранъ, гл. 7, ст. 156 и 158. На основаніи же гл. 29, ст. 47, можно думать, что ко времени перваго откровенія Мухаммедъ выучился читать. Вѣдь допускаетъ эту мысль.

³⁾ „Исторія педагогикъ“, рус. пер., томъ второй, стр. 69.

⁴⁾ Изъ кн. „Маариджу-и-набуватъ“ и „Раузату-с-сафа“.

б) Когда подросли два внука Мухаммеда — Хасанъ и Хусейнъ отъ дочери его Фатимы и зятя Алиа, самъ Мухаммедъ пригласилъ для обученія ихъ грамотѣ ибнъеого Мирдаса ¹⁾, имя котораго даетъ поводъ предполагать, что это былъ еврей, принявшій исламъ.

Изъ этихъ двухъ фактовъ необходимо заключить, что начало обученія мусульманскихъ дѣтей арабской грамотѣ и письму было положено въ Мединѣ еще въ первые годы ислама и что евреи, поселившіеся въ Аравіи съ давнихъ поръ, особенно послѣ разрушенія Іерусалима ²⁾, могли принимать участіе въ распространеніи грамотности среди мусульманъ, такъ какъ являлись въ ту пору среди „невѣжественныхъ“ арабовъ образованными представителями новой религіи и, по личнымъ своимъ разсчетамъ, могли предлагать къ услугамъ новыхъ владыкъ свою книжную образованность. Но организованныхъ школъ (мактабъ) въ то время и долго спустя потомъ въ Мединѣ не было, хотя потребность въ обученіи чувствовалась.

При жизни Мухаммеда не было полного списка всѣхъ отрывковъ проповѣданнаго имъ корана, который современники арабскаго пророка читали по памяти; между тѣмъ въ сраженіи при Ямамѣ, случившемся черезъ годъ по смерти Мухаммеда (въ 633 г. Р. Хр.), были убиты многія лица, читавшія коранъ наизусть. Тогда явилось опасеніе, что современемъ и совсѣмъ не будетъ арабовъ, знающихъ ученіе корана. Поэтому Абубекръ приказалъ Зейду-ибнъ-Тсабиту собрать у разныхъ лицъ разрозненные отрывки корана. Но только у немногихъ арабовъ были собственныя записи отдѣльныхъ отрывковъ, а другіе продолжали читать коранъ по памяти. Такъ получились варианты въ чтеніи св. книги, порождавшіе разногласія, особенно въ войскахъ разныхъ областей, что и побудило третьяго халифа Османа собрать всѣ частныя записи корана и составить изъ нихъ одинъ общій списокъ, который былъ объявленъ каноническимъ, а всѣ отобранныя у частныхъ лицъ списки корана были уничтожены ³⁾. Чтобы ввести въ общее употребленіе этотъ „османовскій“ экземпляръ корана, необходимо было распространить его списки и учить желающихъ читать ихъ; но сомнительно, чтобы при Османѣ это дѣло имѣло уже опредѣленную организацію, такъ какъ правительству того времени было не до школъ: всюду

¹⁾ Изъ кн. „Таджикъ“ и „Аль-фатавиль-Базазія“ (ч. 2, стр. 98).

²⁾ Исторія іудейства въ Аравіи и вліяніе его на ученіе корана. А. Свѣтлакова. Казань 1875 г.

³⁾ См. наше изданіе „Коранъ и прогрессъ“ и соч. А. Крымскаго „Исторія мусульманства“, часть I и II (Москва 1904 г.).

были смуты религіозныя и политическія, окончившіяся смертью самого Османа, затѣмъ Алія и его сыновей и перемѣной правящей династіи. Утвердившіеся въ халифатѣ оммайды также не могли сразу установить внутренній порядокъ и дать толчокъ школьному дѣлу, такъ какъ первые годы ихъ правленія были очень безпокойны и сопровождались кровопролитными усобицами, во время которыхъ гибли непосредственные участники исламскаго движенія. Такъ, при Мерванѣ I, войско котораго должно было осадить Медину, близъ Харры ¹⁾, 26-го августа 683 года, произошла жестокая рѣзня, въ которой были убиты семьсотъ мусульманъ, знавшихъ коранъ наизусть, и въ томъ числѣ 80 мединцевъ, такъ называемыхъ „асхабовъ пророка“, то есть самовидцевъ Мухаммеда. Потеря для неутвердившагося еще ислама огромная и невознаградимая... Въ этотъ-то тревожный періодъ ожесточенной борьбы оммайдовъ съ внутренними врагами (хариджитами) въ первый разъ встрѣчается въ исторіи ислама опредѣленное указаніе на существованіе въ Таифѣ (небольшомъ городѣ близъ Мекки) бѣднаго школьнаго учителя, по имени Аль-Хаджаджъ-ибнъ-Юсуфъ (изъ племени Тсакифъ), умершаго въ 95 г. гиджры (714 г. по Р. Хр.). Профессоръ В. В. Бартольдъ сообщилъ намъ по этому поводу, что и отецъ Хаджаджа былъ также учителемъ и что Хаджаджъ ходилъ къ мальчикамъ селенія по утрамъ и вечерамъ и училъ ихъ ²⁾. Но замѣчательно, что Хаджаджъ не какъ учитель пріобрѣлъ себѣ громкую извѣстность въ исторіи ислама, а какъ отважный воинъ и еще болѣе какъ рѣшительный правитель въ должности намѣстника халифа Абдуль-Малика въ Иракѣ. Очевидно, учительская дѣятельность въ Таифѣ, соединенная съ матеріальною необезпеченностью, не удовлетворяла пылкой и широкой натуры Хаджаджа, и онъ принялъ предложеніе визиря Раухъ-бенъ-Зинбага, поступилъ въ его отрядъ и скоро обратилъ на себя вниманіе халифа Абдуль-Малика, который назначилъ его на самостоятельный и отвѣтственный постъ намѣстника ³⁾. Религіозная ревность, свойственная учителю вѣроисповѣдной школы, и нѣкоторое самообразование помогли Хаджаджу такъ замѣтно выдвинуться среди областныхъ правителей того времени. Военно-административный талантъ его былъ настолько выдающимся, что возбуждалъ въ

¹⁾ Предиѣстье Медины.

²⁾ Арабская хрестоматія Гиргаса и Розена, вып. I, стр. 169 и 170.

³⁾ Столь рѣзкая переѣна въ общественномъ положеніи Хаджаджа не должна удивлять насъ, такъ какъ въ то время въ Аравіи не было установлено классовыхъ различій.

современникахъ зависть. Но хотя завистники и укоряли Хаджаджа его прошлымъ ничтожнымъ положеніемъ бѣднаго учителя въ Таифѣ, однако онъ и въ новомъ положеніи своемъ намѣстника Ирака не забылъ народнаго образованія и ревностно заботился о распространеніи повсюду стиховъ корана, что въ Иракѣ было особенно важно, такъ какъ упрочивало тамъ арабское владычество. Въ этомъ направленіи Хаджаджъ дѣйствовалъ на самого халифа Аль-Валида (86—96 гижры=705—715 по Р. Хр.), которому арабы обязаны, какъ говоритъ историкъ А. Мюллеръ, учрежденіемъ *первыхъ* мусульманскихъ школъ¹⁾.

Былъ ли Хаджаджъ до своего призванія на постъ начальника отряда въ 692 году для осады Мекки учителемъ правительственной школы—неизвѣстно; скорѣе нужно предполагать, что въ то время въ Аравіи школы еще не были организованы и что главная задача начальной школы сводилась, какъ и въ древней Руси, къ простому обученію дѣтей грамотѣ въ цѣляхъ правильнаго и толковаго чтенія священной книги, а затѣмъ уже отъ способностей и личныхъ склонностей учителя зависѣло расширить школьную программу сообщеніемъ учащимся такихъ знаній, которыя способствовали болѣе тонкому пониманію арабскаго языка въ связи съ трудностями арабскаго письма. Определеннаго учительскаго сословія сначала также не было въ Аравіи и не могло быть; обученіе грамотѣ и письму составляло свободную профессію, и учителемъ могъ быть всякій способный для этого дѣла: прежде всего имамъ и муаззинъ, писецъ и секретарь казія и другіе грамотные люди, если они чувствовали къ тому расположеніе²⁾. Заслуга Хаджаджа для арабской школы состояла въ томъ, что онъ, сдѣлавшись при халифѣ Аль-Валидѣ вліятельнымъ правителемъ Ирака, внушилъ халифу мысль сдѣлать школу учрежденіемъ государственнымъ.

Что задача начальной арабской школы ограничивалась обученіемъ правильному и толковому чтенію корана въ связи съ умѣншемъ писать священный текстъ, подтверждается слѣдующими словами историка А. Мюллера:

„Со временъ Османа коранъ переписывался тщательно и добросовѣстно, а на возстановленіе его съ теченіемъ времени обращалось

¹⁾ А. Мюллеръ. Исторія ислама съ основанія до новѣйшихъ временъ. Переводъ съ нѣмецкаго подъ ред. Н. А. Мидякова; томъ второй. С.-Петербургъ 1895 г., стр. 72.

²⁾ Изъ примѣра Хаджаджа видно, что учительская профессія переходила отъ отца къ сыну, какъ это и до сихъ поръ бываетъ среди мусульманъ въ Россіи.

еще болѣе вниманія; однако, не слѣдуетъ при этомъ забывать, что арабскія письмена находились еще тогда въ состояніи несовершенства и давали поводъ на каждомъ шагѣ ко всякаго рода разногласіямъ. Достаточно сказать, что писали однѣ только согласныя. Представьте себѣ, напримѣръ, на русскомъ языкѣ звуковую группу хотя бы изъ согласныхъ „гл“, и сразу же явится сомнѣніе, какъ читать: голь, голо, голъ, гиль, гуль, гуль и т. д. Затѣмъ добрая половина первоначальныхъ арабскихъ согласныхъ до такой степени были схожи одна съ другой, что явилась новая трудность отличать тождественныя очертанія. Если бы по-русски, напримѣръ, буквы с, т, л, н, б, писались почти одинаково, какая путаница произошла бы при чтеніи словъ, состоящихъ изъ этихъ звуковъ, — пришлось бы не читать, а отгадывать. Въ довершеніе всего вначалѣ не было и помину объ употребленіи знаковъ препинанія, не существовало и прописныхъ буквъ. Трудненько было разбираться во всемъ этомъ природному арабу, но затрудненія удесятирились для иноязычныхъ новообращенныхъ, которымъ, сверхъ того, приходилось бороться съ трудностями необыкновенно запутанныхъ правилъ арабскаго языка. Дабы пособить злу, придумали въ Басрѣ изображать гласныя точками и черточками, ставя ихъ внизу и сверху согласныхъ, а похожія начертанія согласныя отличались подобнаго же рода знаками: начало этому положили уже сирійцы, отъ которыхъ первоначально и заимствована была арабская азбука. Говорятъ, самъ Хаджаджъ допустилъ введеніе этихъ пояснительныхъ знаковъ, конечно, не какъ воспоминаніе о прежнемъ своемъ учительскомъ званіи: надо было прекратить разъ навсегда всѣ споры о правильности чтенія отдѣльныхъ мѣстъ корана, въ видахъ вящаго поощренія покровительствуемому богословскому направленію. Во всякомъ случаѣ, это нововведеніе въ тѣ времена получило сразу широкое распространеніе, какъ неизбежное подспорье. Между тѣмъ правильная разстановка различныхъ точекъ въ письмѣ требовала, конечно, основательнаго изученія языка; но пріобрѣсть это знаніе для того, чтобы при этомъ достигъ прежде всего возможности изучить слово Божіе, было въ сущности громаднымъ трудомъ для всѣхъ не всосавшихъ съ материнскимъ молокомъ арабскаго языка; особливо было это тяжело для новообращенныхъ персовъ, составлявшихъ въ Басрѣ большинство мусульманскаго населенія. Поэтому они и постарались для правильнаго, насколько были въ силахъ, чтенія слова Божія придумать всевозможнаго рода лингвистическіе законы. Такимъ образомъ, совмѣстно съ искусствомъ чтенія

корана, которое и само по себѣ, при возможности разночтеній, требовало точнаго наученія, возникла совершенно естественнымъ путемъ и арабская грамматика“¹⁾).

Въ настоящее время мы не можемъ возстановить полной картины обученія въ древней арабской школѣ, но можно съ вѣроятностью предполагать, что на первомъ планѣ въ этой школѣ стояло искусство чтенія, необыкновенно затрудняемое особенностями арабскаго алфавита съ его діакритическими точками, надстрочными и подстрочными знаками, которые и при наличности ихъ въ текстѣ пестрятъ въ глазахъ и утомляютъ вниманіе; при отсутствіи же этихъ точекъ и знаковъ отъ учащагося требуется самое напряженное вниманіе и необыкновенно быстрая сообразительность. Учащемуся въ начальной арабской школѣ, чтобы овладѣть вполне механизмомъ чтенія любого текста, необходимо было столь отчетливо владѣть своимъ роднымъ языкомъ, какъ мы не можемъ себѣ вообразить. Такая трудность дѣла въ данномъ случаѣ обуславливалась не только названными выше знаками и точками, но и тѣмъ, что въ арабскомъ алфавитѣ существуютъ буквы, сходныя по начертанію и разныя въ произношеніи, а также буквы, разныя по начертанію, но сходныя въ произношеніи. Кромѣ того, по свойству арабскаго письма, нѣкоторыя буквы въ произношеніи удвояются съ совершеннымъ измѣненіемъ смысла въ словѣ, не говоря уже о случаяхъ сліянія разныхъ буквъ въ извѣстныхъ словахъ. Имѣя въ виду нашъ русскій простой и отчетливый алфавитъ, нельзя составить настоящее представленіе о трудности обученія дѣтей арабскому чтенію и письму, такъ какъ, при всѣхъ указанныхъ графическихъ особенностяхъ арабскаго письма, богатый языкъ арабскій отличается своеобразными стилистическими особенностями. Только до нѣкоторой степени мы можемъ оцѣнить всю нелегкость обученія дѣтей въ арабской школѣ по сохранившемуся до нашего времени описанію экзамена въ одной изъ такихъ школъ. Арабскій поэтъ Абу-Мухаммедъ-Касымъ-ибнъ-Харрири (ум. въ 1021 г. по Р. Хр.), въ 46-мъ своей „макамѣ“ рассказываетъ²⁾, что Харрисъ-ибнъ-Хаммамъ встрѣтилъ въ Хамсѣ пожилого учителя, у котораго обучалось 10 мальчиковъ. Поздоровавшись съ учителемъ,

¹⁾ *А. Мюллеръ*. Исторія ислама съ основанія до повѣйшихъ временъ. Переводъ съ нѣмецкаго, подъ редакціей Н. А. Мѣдника. С.-Пб. 1895 г. Томъ второй, стр. 77—78.

²⁾ Макаматуль-Хамсіл.

Харисъ объяснилъ ему, что хочетъ послушать отвѣты его учениковъ, и сѣлъ рядомъ съ учителемъ. Тогда учитель сдѣлалъ знакъ палочкой ¹⁾ старшему ученику и приказалъ ему сказать стихотвореніе, въ словахъ котораго не было бы ни одной буквы съ точками. Ученикъ въ одинъ прыжокъ, какъ левъ, придвинулся къ учителю, присѣлъ на колѣни и прочиталъ 10 двустишій, состоящихъ изъ буквъ безъ точекъ, и всѣ съ одинаковой римой на слогъ *ааъ*. Учитель сказалъ ученику: „ты, моя луна, хорошо прочиталъ“...

Потомъ онъ сказалъ другому ученику: „огонекъ мой! подсядь поближе“. Ученикъ безъ замедленія придвинулся впередъ, и учитель приказалъ ему сказать стихи, похожіе на молодуху, т. е. состоящіе изъ буквъ, украшенныхъ точками. Ученикъ заострилъ камышинку, подравнялъ ея концы, положилъ на колѣни бумагу и написалъ шесть двустишій съ римой на слогъ *ии*. Когда учитель просмотрѣлъ написанное, то сказалъ ученику: „да подастъ тебѣ Господь милости многочисленныя, какъ степныя газели, и обильныя, какъ масло изъ Зяйтуна (маслина)“.

Потомъ учитель позвалъ третьяго ученика, сказавъ: „Эй, Кутрубъ!“ ²⁾ Передъ учителемъ появился мальчикъ, какъ „звѣзда среди ночной темноты“, или какъ „бѣлый мраморъ“. Учитель приказалъ ему написать стихотвореніе изъ смѣшанныхъ буквъ, т. е. съ точками и безъ точекъ, и безъ нарушенія очереди въ нихъ. Ученикъ взялъ перо и написалъ пять двустишій, въ которыхъ чередовались буквы съ точками и безъ точекъ въ строгомъ порядкѣ, т. е. одно безъ точекъ, другое—съ точками, третье опять безъ точекъ и т. д. Тогда учитель сказалъ ему: „Да не высохнетъ рука твоя!“, т. е. пусть она всегда также легко пишетъ стихотворенія...

Затѣмъ учитель позвалъ слѣдующаго ученика, сказавъ: „Эй, храбрый красавецъ!“ Учитель приказалъ ему написать стихотвореніе, состоящее изъ сходныхъ словъ, но различающихся по смыслу. Ученикъ взялъ готовое перо и безъ остановки написалъ пять двустишій. Учитель просмотрѣлъ написанное и, обративъ вниманіе на смыслъ, одобрилъ стихи и сказалъ ученику: „и твоя рука пусть не высохнетъ! И благоуханіе твое пусть не теряетъ своего аромата!“

¹⁾ Это, очевидно, прототипъ тѣхъ палокъ, которыя до сихъ поръ употребляются въ мактавахъ. Обыкновенно учитель касается головы того ученика, котораго хочетъ спросить.

²⁾ Съ этимъ именемъ извѣстенъ арабскій грамматикъ. Слово „кутрубъ“ означаетъ человѣка, отличающагося быстрымъ соображеніемъ.

Еще привалъ учитель одного ученика и сказалъ ему: „прочитай такое стихотвореніе, двустипія котораго начинались и оканчивались бы одинаковыми словами“. Ученикъ тотчасъ произнесъ два двустипія съ одинаковыми словами въ началѣ и концѣ. И сказалъ ему учитель: „хорошо ты прочиталъ, мой хитрецъ: ты и у другихъ обобралъ дарованія“... Потомъ учитель сказалъ ему: „придумай такое стихотвореніе, въ которомъ бы встрѣчалась буква *синъ* (мягкое с), въ произношеніи похожая на *садъ* (твердое с)“. Ученикъ произнесъ четыре двустипія съ мягкимъ с, въ которыхъ вмѣсто мягкаго с можно бы поставить твердое с. Учитель одобрилъ и сказалъ: „ты острякъ, ты подобенъ трубочу, находящемуся впереди войска“.

Потомъ учитель сказалъ: „Эй, ты, левъ! подходи поскорѣе и прочитай стихи, въ которыхъ *садъ* (твердое с) похоже на *синъ* (мягкое с)“. Ученикъ, какъ молодой левенокъ, подпрыгнувъ къ учителю и безошибочно прочиталъ пять двустипій съ твердымъ с. И сказалъ учитель ученику: „сынъ мой! Да сохранить тебя Господь отъ всякаго зла! Ты—свѣтъ для обоихъ глазъ моихъ“.

Вызвалъ учитель еще одного ученика, который съ легкостью шахматной маленькой фигуры и съ быстротой соколиного полета очутился около учителя. Учитель приказалъ ученику: „Прочитай такое стихотвореніе, въ словахъ котораго удерживался бы одинъ и тотъ же смыслъ, хотя бы въ нихъ были буквы *садъ* и *синъ* (твердое и мягкое с)“. Ученикъ поднялся на ноги, сдвинувъ полы своего халата и, оставивъ руки, прочиталъ два двустипія, какія требовалъ учитель. И сказалъ ему учитель: „ты хорошо прочиталъ, мой малышъ, какъ глазокъ мухи!“

Еще позвалъ учитель одного ученика и сказалъ: „О, сынъ слона, умница!“ Ученикъ отвѣтилъ: „Я готовъ“. Этотъ мальчикъ былъ красивъ, какъ чистое яйцо полевой птицы. Учитель спросилъ его: „какія гласныя бываютъ въ концѣ *слабыхъ* глаголовъ?“ Ученикъ сказалъ: „Слушай! Пусть не будутъ глухи уши твои, а лучше пусть оглохнутъ твои враги!“ и прочиталъ три двустипія, въ которыхъ встрѣчаются слабые глаголы. Учитель остался доволенъ ученикомъ.

Наконецъ учитель вызвалъ еще одного ученика, сказавъ: „Эй, голосистый умникъ!“ Къ учителю подошелъ мальчикъ, болѣе пріятный на видъ, чѣмъ вечерній огонекъ для утомленнаго дорогой путника, спѣшащаго къ отдыху. И сказалъ учитель: „прочитай стихотвореніе, въ словахъ котораго встрѣчалась бы буква *изы*, и не смѣшивай ее съ буквой *идъ*“. Ученикъ, обрадовавшись такому заданію, прочиталъ